

Чэн Цзинсюань шагнул вперед и сложил ладони в приветственном жесте:

— Я еще молод, мои познания в медицине и в подметки не годятся мастерству моего покойного отца, поэтому не смею называть себя потомком великого лекаря.

— Ха-ха, господин Фу, вы слишком скромны, — при этих словах Чжу Юн не удержался и снова закашлялся.

— Крестный отец, вам нехорошо? — Чжу Чэнчжан тут же бросился к нему, похлопывая по спине, и взволнованно воскликнул: — Господин Фу, прошу вас, осмотрите моего крестного отца!

— Ничего страшного, — Чжу Юн отмахнулся. Несмотря на болезненную желтизну лица, его взгляд оставался ясным и пронизательным.

Фу Цзюньяо мысленно закатил глаза: «Актёрская игра — просто на двойку».

Хотя Чжу Юн выглядел неважно, его кожа была дряблой, но не сухой; тело казалось исхудавшим, однако шаги были твердыми и уверенными; в глазах не было свойственного больным мутного налета — они светились энергией. Подобная примитивная попытка прощупать почву могла обмануть лишь такого прямолинейного дурака, как Чжу Чэнчжан.

Чэн Цзинсюань, разумеется, тоже раскусил эту уловку. Бросив взгляд на Фу Цзюньяо, он скомандовал:

— Малыш Чэн, нить для пульса.

— Есть, — Фу Цзюньяо достал красную нить и уже собирался обернуть её вокруг запястья Чжу Юна, как вдруг какая-то неведомая сила оттолкнула его.

Фу Цзюньяо был ошарашен: «Это ненаучно! Я же даже не шелохнулся!»

Чжу Юн слегка кашлянул:

— Господин Фу, диагностика по нити, конечно, штука диковинная, но ведь мы с вами не женщина и мужчина, чтобы соблюдать такую дистанцию. Разве не будет проще и правильнее просто прощупать пульс напрямую?

Чэн Цзинсюань, застигнутый врасплох, лишь сохранил невозмутимость:

— Что ж, тогда прошу главу усадьбы протянуть руку.

Чжу Юн подчинился, и Чжу Чэнчжан тут же услужливо закатал ему рукав, нервно добавив:

— Беспокою вас, господин Фу.

Чэн Цзинсюань кивнул и, как подобает, приложил три пальца к запястью Чжу Юна. Спустя мгновение Чжу Чэнчжан нетерпеливо спросил:

— Господин Фу, ну как?

Фу Цзюньяо, выглядывая из-за спины, лишь хотел закрыть лицо руками: Чэн Цзинсюань, этот профан, даже пальцы приложил неправильно — они совершенно не попали на нужные точки, так что вряд ли он мог что-то понять. Хорошо еще, что рядом не было настоящего знатока, иначе обман раскрылся бы в ту же секунду.

Чэн Цзинсюань и сам был в растерянности: кончики пальцев улавливали лишь учащенное сердцебиение пациента, и он не был уверен, можно ли это вообще назвать пульсом. Но люди знака Девы чем больше паникуют, тем невозмутимее выглядят. Нахмутив брови, он с самым серьезным видом произнес:

— Врач при лечении должен опираться на осмотр, прослушивание, опрос и пальпацию. Скажите, глава усадьбы, не ощущали ли вы в последнее время какого-либо дискомфорта?

Чжу Юн задумался:

— Стеснение в груди, упадок сил, бессонница, частый кашель.

Чэн Цзинсюань немного помолчал:

— Полагаю, это сердечная болезнь.

— О? И что же это значит?

Чэн Цзинсюань лихорадочно перебирал в памяти профессиональные термины, которые когда-то слышал от Фу Цзюньяо, и, пытаясь придать им смысл, на ходу сочинил внушительную околесицу:

— Пульс у вас, глава усадьбы, слабый и прерывистый, лицо бледное, дух подавлен, по ночам мучает бессонница. Скорее всего, это вызвано проникновением болезнетворного начала, либо застоем ци и крови, либо недостатком сердечной энергии.

«И ведь складно врет», — подумал Фу Цзюньяо.

— И как же это лечить?

— Как говорится, сердечную болезнь нужно лечить сердечным лекарством. Ключ к исцелению кроется в вас самих.

Чжу Юн тихо рассмеялся, и этот глухой звук, казалось, заполнил всю комнату:

— Господин Фу выражается слишком туманно. Это напомнило мне об одном шарлатане, которого я выгнал не так давно. Он ничего не смыслил в медицине, пробрался в усадьбу Цинцао с какими-то своими целями и всякий раз, когда не мог поставить диагноз, отделялся словами о сердечной болезни. Он даже обычную простуду вылечить не смог, за что и был изгнан.

— Крестный отец! — смущенно воскликнул Чжу Чэнчжан.

Чжу Юн сделал паузу и, словно внезапно осознав что-то, добавил:

— Посмотрите на меня, совсем больной разум помутился, как я мог отпустить такую неуместную шутку? Господин Фу, не обессудьте.

— Что вы, ни в коем случае, — тихо ответил Чэн Цзинсюань. — Мне тоже доводилось видеть немало псевдолекарей, которые, оказавшись в безвыходном положении, любят прикрываться сердечными недугами. Но шарлатаны те, кто не умеет лечить, не так ли?

Голос Чжу Юна стал тяжелым:

— Господин Фу хочет сказать, что мой сердечный недуг вы способны исцелить?

— Именно так, — отрезал Чэн Цзинсюань.

Чжу Юн не спеша сел и отпил чаю:

— И какова же причина этого сердечного недуга?

Чэн Цзинсюань, не торопясь, обмакнул палец в чай и вывел на столе аккуратный иероглиф «Фан».

— Причина в нем, — закончив, он трижды несильно постучал пальцем по влажному следу на столе. Три глухих звука прозвучали так, будто ударили прямо в сердце.

Чжу Чэнчжан почесал в затылке и задал вопрос, который вертелся на языке у Фу Цзюньяо, но тот боялся озвучить:

— Что означает «Фан»? Неужели паника?

— Это императорский посланник, новый наместник Суйчжоу, Фан Цзыци, — ответил Чэн Цзинсюань.

Взгляд Чжу Юна потяжелел, весь его облик стал острым. Болезненная вялость исчезла, он

выпрямился, словно переродившись, и от него повеяло мощным, подавляющим давлением:

— Господин Фу, у вас поразительно острый слух. Императорский указ еще не прибыл, а вы уже всё знаете. Такие познания совсем не вяжутся с образом бродячего лекаря.

Чэн Цзинсюань безмятежно улыбнулся:

— Если что-то по-настоящему важно, способ узнать всегда найдется.

— Восхищен, — Чжу Юн улыбнулся, его взгляд стал мягким и доброжелательным, но в следующее мгновение он с молниеносной скоростью нанес удар ладонью в сторону Чэн Цзинсюаня.

— Осторожно!

— Крестный отец, не надо!

Фу Цзюньяо и Чжу Чэнчжан вскрикнули одновременно, но было поздно.

Чэн Цзинсюань стремительно отступил, превратившись в белую тень. Удар Чжу Юна следовал по пятам, и, казалось, отступать было некуда — он вот-вот должен был врезаться в дверной проем! Чэн Цзинсюань резко метнулся в сторону, и раздался глухой стук — в дверной раме остался отпечаток ладони глубиной в полдюйма.

Чжу Юн усмехнулся:

— А у господина Фу неплохая техника. За десятки лет моего опыта я такого ещё не видел.

Чэн Цзинсюань невозмутимо поправил одежду, пользуясь случаем, чтобы размять затекшие ноги:

— Главе усадьбы незачем нервничать. У нас с вами общий враг, а в вашей усадьбе Цинцао так нуждаются в моих медицинских навыках. Почему бы нам не сотрудничать, вместо того чтобы убивать друг друга?

— Общий враг?

— Банда Сянма!

— Ха-ха... — Чжу Юн внезапно рассмеялся, и этот смех прозвучал звонко, словно вой призрака. — Десять с лишним лет назад банда Сянма ради наживы вырезала весь род величайшего лекаря Фу Цзююаня. Только одному ребенку удалось сбежать. Я тогда сказал: если этого мальчишку не убрать, он станет для банды Сянма страшной угрозой. Не думал, что мои слова окажутся пророческими. Но с чего мне верить, что, проникая в мою усадьбу, вы не преследуете иные цели?

— Хотя бы потому, что у меня с бандой Сялма кровная вражда! — глаза Чэн Цзинсюаня сузились, в них промелькнула такая свирепость, что он показался даже опаснее самого Чжу Юна.

Фу Цзюньяо почувствовал, как у него перехватило дыхание, а в груди разлилась острая, рвущая боль.

Чэн Цзинсюань сделал несколько шагов вперед, продолжая давить на Чжу Юна:

— Вы враждуете с бандой Сялма лишь ради денег, власти или, если говорить красивыми словами, ради сохранения наследия усадьбы Цинцао, которому уже шестьсот лет. Но у меня иная причина, куда более глубокая и болезненная. Когда безжалостные копыта коней банды Сялма топтали кости моих родителей, я поклялся: кровавый долг должен быть оплачен кровью. Если усадьба Цинцао не хочет сотрудничать, есть чиновники, есть другие герои из мира зеленых лесов. Я готов отдать свои навыки, свою жизнь, всё, что у меня есть, лишь бы сжечь эту банду тварей дотла, как угольную пыль в печи. Только так всё это может закончиться.

Этот поток бессвязных слов вызвал в душе Фу Цзюньяо бурю. Он словно оказался на древнем поле боя — то кровь вскипала от жажды возмездия, то наступало полное опустошение от мысли о тщетности всего сущего. Он всегда знал, что родители этого тела погибли от рук банды Сялма, но никогда не думал о мести — ни единой мысли не возникало.

Добросердечный Чэн Цзянь подарил ему отцовскую любовь и заботу, научил быть честным, бескорыстным и отвечать добром на зло, поэтому в его душе не было ни тени ненависти. Но правду говорят: если тебе кажется, что жизнь прекрасна и безмятежна, значит, кто-то просто взял на себя твою ношу.

Дядя Чэн оставил ему свободный и прямой путь, а все тернии и преграды забрал себе и своему сыну. На его плечах лежит слишком, слишком многое.

Глаза Фу Цзюньяо покраснели, он едва сдерживал слезы.

Чжу Юн немного успокоился, по-видимому, поверив на восемь частей из десяти:

— Но как мне убедиться, что врач, знающий лишь лекарства и иглоукалывание, достоин сотрудничать с усадьбой Цинцао?

Чэн Цзинсюань усмехнулся и вытащил между пальцами серебряную иглу:

— Я же сказал, я не потомок великого лекаря. Я — безумец, в чьих жилах течет доброта предков, спасавших людей, но чье сердце наполнено жаждой мести. Мои иглы могут исцелять, но чаще они несут смерть!

Едва закончив, он метнул иглу прямо в лицо Чжу Юну, застав того врасплох. Чжу Юн мгновенно уклонился, защитив лицо, но игла всё же оцарапала его ладонь у основания

большого пальца.

Чэн Цзинсюань незаметно убрал иглу:

— Точка Хэ-гу, помогает от головокружения и стеснения в груди. Сегодня ночью вы, глава усадьбы, будете спать спокойно.

Чжу Юн остолбенел, а затем расхохотался:

— Добро пожаловать в усадьбу Цинцао, наш новый заместитель главы — Фу Цзюньяо.

Идиллию прощания прервала внезапная проверка Чжу Юна, но теперь, когда кризис миновал, пора было уходить.

Чэн Цзинсюань нашел где-то в траве отброшенный в сторону узел Фу Цзюньяо и молча протянул ему:

— Вещь возвращена владельцу. Счастливого пути.

Снова эта невозмутимая физиономия, прикрывающаяся «рациональностью» и «заботой». Фу Цзюньяо это взбесило:

— Раз вещь вернули, может, и имя мне вернешь? Заместитель главы.

Чэн Цзинсюань тяжело вздохнул:

— Вне защиты усадьбы Цинцао банда Сянма может причинить тебе вред. Смена имени — не худший вариант.

Фу Цзюньяо замер, а затем резко обернулся:

— Скажи честно, ты остался здесь отчасти из-за меня?

Чэн Цзинсюань напрягся, но вдруг улыбнулся:

— Ты слишком много думаешь. Чжу Юн человек проницательный и подозрительный. Пока я ношу фамилию Чэн, завоевать его доверие будет трудно. Твоя личность связана с кровной враждой к банде Сянма, а враг моего врага — мой друг. Я просто использовал это, чтобы усыпить его бдительность.

Фу Цзюньяо скрестил руки на груди и молча смотрел на него.

Под этим взглядом Чэн Цзинсюань начал нервничать, голос его непроизвольно стал тише:

— То, что я говорил перед Чжу Юном, не было полной ложью. Я не добрый человек, а безумец, впитавший мечь с костями. Такому, как я... тебе будет лучше держаться подальше.

Фу Цзюньяо резко подался вперед, грубо схватил Чэн Цзинсюаня за воротник и толкнул назад.

Чэн Цзинсюань, который легко уклонялся от ударов мастеров вроде Чжу Юна, сейчас не оказал никакого сопротивления и легко отлетел, с глухим стуком ударившись спиной о ствол дерева.

— Ах ты гад! — Фу Цзюньяо ударил его ладонью в грудь. Сила была небольшой, но звук вышел громким. — Кем ты меня считаешь? Принцем из утопии? Девицей, которую нужно от всего защищать? Даже если у нашей семьи Фу есть кровная вражда, мне не нужно, чтобы ты жертвовал собой ради меня!

— Я же сказал, ты слишком много думаешь, — Чэн Цзинсюань слегка дернулся, освобождая воротник из рук Фу Цзюньяо. — Мы с самого начала лишь использовали друг друга. Семья Чэн вырастила тебя, я использовал твои навыки и личность, чтобы внедриться в усадьбу. Цель достигнута, ты свободен.

Фу Цзюньяо сверкал глазами, готовый в любую секунду разорвать этот лживый рот.

— Ты знаешь, злодеям нужно носить маску добродетели, иначе их быстро приберут к рукам чиновники. Так что всё моё «добро» по отношению к тебе... лишь часть этой маски, — он помолчал и добавил с самым серьезным видом: — Если это ввело тебя в заблуждение, прошу прощения.

Он не успел договорить, как Фу Цзюньяо нажал на точки паралича на его плечах, резко сократил дистанцию и впился зубами в его нижнюю губу.

Рациональный разум Чэн Цзинсюаня словно замкнуло.

Во рту распространился вкус крови, но эта боль была ничем по сравнению с шоком, который вызвал Фу Цзюньяо. Пока разум пытался осознать происходящее, тело уже ответило инстинктивно: пальцы Чэн Цзинсюаня непроизвольно вцепились в одежду Фу Цзюньяо, сминая ткань на талии.

Фу Цзюньяо пошел дальше, быстро взломал не слишком надежную оборону противника, символически покружил во рту, подцепил ненавистный язык, который умел говорить только гадости, успокаивающе присосался к нему, а затем напоследок больно укусил.

— Мгх... — Чэн Цзинсюань окончательно пришел в себя. Он оттолкнул Фу Цзюньяо, пошатываясь, отступил на несколько шагов, и к его рукам начала возвращаться

чувствительность.

Фу Цзюньяо вытер кровь с губ, запоздало осознав, что он только что натворил... Температура его тела подскочила на восемь градусов, смущение окрасило его в ярко-красный цвет. В голове крутилось: «Кто я? Где я? Я сошел с ума?». Одним словом — неловкость.

Но когда он увидел, что руки Чэн Цзинсюаня тоже слегка дрожат, а лицо пылает, он успокоился. Стыд мгновенно улетучился: одно дело, когда ты один совершаешь глупость, и совсем другое — когда видишь, что другой смущен еще больше.

Господин Фу с важным видом поправил измятую одежду и проворчал:

— Мелкий гад, только и умеешь, что молоть ерунду. Неужели я с тобой не справлюсь?

Он откашлялся и сделал вид, что ничего не произошло:

— Ты думаешь, все вокруг такие же дураки, как Чжу Юн? Описываешь себя как помешанного на мести маньяка? Если бы это было так, ты бы первым делом убил меня, чтобы замести следы. Ну что, попробуешь?

Фу Цзюньяо, нагляя, сделал несколько шагов вперед, выпятил грудь, но тут же расстроился: грудные мышцы подкачали, никакой внушительности.

Чэн Цзинсюань опустил голову, в его глазах отражалась сложная гамма чувств.

— Тьфу! Да у тебя духу не хватит! Ты просто самовлюбленный нарцисс, возомнивший себя спасителем мира. Думаешь, вытянешь всё в одиночку? А без меня ты сможешь? Даже пульс прощупать не умеешь, а еще лезешь в лекари! — Фу Цзюньяо ткнул его пальцем в грудь. Мышцы оказались твердыми, как камень. Снова проиграл.

Но проигрывать нельзя! Фу Цзюньяо задрал подбородок и вызывающе спросил:

— И вообще, ты хоть знаешь, как выглядят настоящие злодеи? Они бы не стали тратить последние гроши на содержание бездельника, лишь бы сохранить маску добряка. И уж точно не стали бы так нежно и внимательно заботиться о кучке стариков и калек в усадьбе Цинцао.

Голос его стал тише, гнев сменился мягкостью:

— Ты всегда был тверд на словах, но мягок сердцем. За эти годы я привык. Но я не умею читать твои мысли. Ты ничего не объясняешь, всё несешь в себе. Я боюсь, что однажды из-за недопонимания я уйду навсегда, и тогда ты меня уже не найдешь.

Фу Цзюньяо тяжело вздохнул:

— Ты правда этого хочешь?

Чэн Цзинсюань резко поднял голову и впился в него взглядом, в котором привычная сдержанность сменилась безумным пламенем. Фу Цзюньяо невольно отступил, раздумывая, не перегнул ли он палку.

Чэн Цзинсюань вдруг схватил его и притянул к себе. Фу Цзюньяо, хоть и был ростом метр восемьдесят три, сейчас выглядел совсем хрупким, уткнувшись в его грудь. Не успел он попросить пощады, как его губы были вновь накрыты жадным поцелуем.

Луна скрылась за тучами, окрашивая небо в глубокие оттенки чернильного. В комнате было темно, ночной ветер с шумом раскачивал полуоткрытое окно. Фу Цзюньяо ворочался на кровати, не в силах уснуть.

— Проклятая Система эмпатии, до чего она меня довела! — ворчал он.

Браслет созвездий не выдержал и завибрировал:

— Ты уже восьмисотый раз жалуешься. Успокойся. К тому же, какой сейчас век? Подумаешь, поцеловались.

Фу Цзюньяо схватил браслет и начал яростно тыкать по нему:

— «Подумаешь»?! Ты знаешь, как стыдно мне было? Я вел себя как озабоченный, набросился и впился в него, как голодный призрак, который никогда не видел красавцев! Вся моя репутация, которую я копил двадцать лет, улетучилась сегодня днем!

— Ничего страшного. Об этом знаем только ты, я и он. А если никто больше не видел, значит, этого и не было.

— Философия у тебя, конечно, продвинутая, — Фу Цзюньяо задумался и снова ткнул браслет: — Кстати, а ты вообще считаешь себя за человека?

Система на мгновение замерла, сбросила насмешливый тон и переключилась на привычный механический голос:

— Нет, я лишь цепочка кодов, составляющая Систему.

Фу Цзюньяо потянулся и раскинулся на кровати в самой удобной позе:

— Не зря искусственный интеллект так быстро развивается. Смотришь, скоро и ты, железка, оживешь.

— Хе-хе, — издала Система глупый механический смешок, растворяясь в ночной тишине.

Фу Цзюньяо еще немного побормотал и постепенно закрыл глаза. В голове крутились воспоминания о дневном позоре, но чем чаще он их прокручивал, тем слабее становилось чувство неловкости. Осталось лишь легкое послевкусие, подобное свежести на губах Чэн Цзинсюаня. Под мерное дыхание он наконец провалился в сон.

Неизвестно, сколько времени прошло, когда небо, прежде черное как тушь, озарилось отблесками огня. В тишине ночи раздался панический вопль:

— Пожар!

Фу Цзюньяо подскочил на кровати, остатки сна мгновенно улетучились под звуки нарастающего шума. Он накинул верхнюю одежду и выскочил из комнаты. Распахнув окно, он увидел, как в задней части усадьбы полыхает зарево. Люди в панике бегали с ведрами, но это была лишь капля в море.

«Плохо дело, это же зернохранилище! А Чэн Цзинсюань живет совсем рядом!»

Фу Цзюньяо вздрогнул, бросился к выходу, даже не успев завязать обувь, как вдруг врезался в чье-то огромное, потное тело. Его отбросило назад, и, тряхнув головой, он увидел перед собой Чжу Чэнчжана с огромным тесаком в руках.

<http://bllate.org/book/20359/2035418>